

Попова Светлана Владимировна

кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры социальной философии и этнологии
Северо-Кавказского федерального университета

ЦЕННОСТНЫЕ АРХЕТИПЫ РУССКОГО НАРОДА

Аннотация:

В статье рассматриваются условия формирования и специфика проявления культурных архетипов русского народа, а также их влияние на современную российскую действительность. Раскрываются особенности национального характера, сущностные ценности, проблемные зоны культурных архетипов. Делается акцент на логоцентризме как архетипичной черте русского народа, понимаемой в качестве стремления к сущностному, подлинному, сакральному. Через данный концепт характеризуются такие базовые ценности, как стремление к правде и справедливости, идея мессианства и спасения. Отмечается, что подобные архетипические ориентиры формируют одно из важнейших противоречий русской ментальности – доминирование внутреннего над внешним. В исследовании используются исторический и социокультурный методы, а также методы анализа, синтеза, аналогии, обобщения, сравнения, систематизации.

Ключевые слова:

культурные архетипы, русская идея, мессианство, логоцентризм, цивилизационная миссия России, русское самосознание, древнерусское государство, современная Россия.

Popova Svetlana Vladimirovna

PhD, Associate Professor,
Department of Social Philosophy and Ethnology,
North Caucasus Federal University

VALUE-BASED ARCHETYPES OF THE RUSSIAN PEOPLE

Summary:

The paper considers the formation conditions and the specificity of manifestation of cultural archetypes of the Russian people and their influence on the current reality. The author highlights the national features, the essential values, and problem areas of the cultural archetypes. The emphasis is placed on logocentrism as an archetypal trait, understood as a desire for the essential, authentic, and sacral. This concept reveals such basic values as the desire for truth and justice, the idea of messianism and salvation. It is noted that such archetypal landmarks form one of the most important contradictions of the Russian mentality – the dominance of internal over external. The research methodology includes the historical and sociocultural approaches. There are also applied the methods of analysis, synthesis, analogy, generalization, comparison, and systematization.

Keywords:

cultural archetypes, the Russian idea, messianism, logocentrism, Russia's civilizational mission, Russian self-consciousness, Ancient Russian state, modern Russia.

В условиях современных геополитических процессов выбор конструктивных моделей идентичности может стать основой как консолидации российского общества, так и создания конкурентных преимуществ на международной арене. Предельные основания идентичности с той или иной достоверностью часто скрываются в определенных фрагментах истории, субъективно нагруженных смыслами и принимаемых на веру. В сегодняшней ситуации кризиса национальной идентичности обращение к истокам формирования и некоторым особенностям культурных архетипов русского народа может способствовать пониманию самих себя и определению путей развития России.

Архетипы, как известно, составляют архаические образы и переживания, которые являются отражением социокультурного опыта предшествующих поколений. Они содержат в себе базовые, сущностные ценности, которые формировались веками.

Одна из особенностей русских культурных архетипов – логоцентризм, устремленность к сущностному, подлинному, неповерхностному. Глубоко прописано внутреннее чувство подлинного смысла и стремление к его поиску. Это то, что не исчезает на протяжении столетий из русской истории, сохраняется в русском народе.

Именно логоцентризмом можно объяснить такую архетипичную черту русской ментальности, как стремление к высшей правде как норме поведения, соблюдение которой обеспечивает гармонию людей и мироздания в целом; отыскание правды через добро при решении различных вопросов общественной и личной жизни. Важнейшим условием поддержания миропорядка считалось соблюдение законов мироздания, правды, установленной еще первопредками, сформулированными базовые ценностные архетипы, нормы поведения во всех сферах человеческой жизни.

В одном ряду с правдой стояло представление о чистой совести. Если в выражениях «судить по правде», «жить по правде» и др., слово «правда» заменить понятием «совесть», то смысл фразы не изменится [1]. Человек стоял на страже правды. Неслучайно первые собрания законов, составление которых относится к началу XI столетия, времени правления Ярослава Мудрого, назывались

«Русская Правда». Совесть и правда являлись сущностным центром всех законов и нравственных норм Древней Руси [2]. При этом для индивида большую ценность представлял не сам закон, а правда, заложенная в этом законе и защищаемая им. Поэтому правда ценилась выше закона и была необходима для достижения внутренней гармонии. Если установленный закон не соответствовал правде, то считался несправедливым, нуждающимся в корректировке либо отмене. Вся совокупность законов в рамках древней правовой системы представляет собой комплекс частных «правд», регулирующих конкретные типы нарушения установленного правопорядка. В то же время славяне никогда не забывали о наличии высшей правды, являвшейся для них главной ценностью. К ней обращались тогда, когда не хватало обычных средств для решения повседневных проблем [3].

Очевидно, что понимание правды в русском самосознании существенно отличается от классической западноевропейской трактовки, где сильны рационалистические, прагматические установки. В русской традиции отчетливо выражена ценность иррационального и мистического миропонимания, а также интуитивное восприятие сакрального начала, характерным проявлением которого является высшая правда [4].

В то же время стремление к сущностному, подлинному, сакральному формирует существенное противоречие русской ментальности – явное доминирование внутреннего над внешним. Для русских характерно определенное недоверие и болезненное восприятие внешних форм. Поэтому недостаточно развиты такие сферы жизнедеятельности, как, например, дизайн, юриспруденция, закон. Внешний закон менее важен, чем внутренний, который, как уже отмечалось, есть совесть. В этом смысле интересны слова Феофана Затворника: «Дело не главное в жизни, главное – настроение сердца, к Богу обращенное» [5, с. 152].

Русский народ до сих пор ощущает себя периферией в социальной и экономической сферах, но архетипически осознает себя центром в духовном плане. Со времени формирования смысловой формулы «Москва – третий Рим» в русское самосознание проникают идеи мессианства, соборности, которые подробно исследованы российскими мыслителями в контексте русской идеи. Исторически сложилось, что к моменту, когда в Московии практически завершился процесс формирования ядра государственности, пала Византийская империя. Россия в такой ситуации оказалась единственным независимым православным государством, поэтому постепенно стала развиваться идея преемственности, представление о том, что центр восточного христианства переносится в Москву, а Русская земля превращается в землю «истинного православия» [6, с. 240]. Идея о Москве как «третьем Риме», сменившем Константинополь, развитая монахом Филофеем, получила свое официальное признание при Иване IV Грозном.

Необходимо отметить, что, объявив себя единственными наследниками Византийской империи, русичи переняли также отрицательное отношение к Западу. Противостояние между католицизмом и православием возникло еще до раскола христианского мира на западный и восточный. Это было связано с тем, что чувство избранности и величия, свойственное данным типам мировоззрения, не могло не вызвать непонимания и противоречий между ними. И этот антагонизм по наследству перешел к русичам [7].

Россия стала ощущать себя центром православия и взяла на себя роль по охране его чистоты, защиты православных во всем мире, встав на путь мессианства. Русский этнос, «познавший истину спасения в единении», свою силу в борьбе с иноземными захватчиками, был готов к восприятию подобных идей. Они полностью соответствовали максималистским склонностям русской души [8]. По мнению В.В. Зеньковского, провиденциалистские идеи «богоизбранности русского народа» как носителя православной веры, исторической миссии России в приближении Царства Божьего на земле нашли свое продолжение в концепте «Святая Русь», а также в ряде философских изысканий XIX в., содержащих положения о всемирном призвании России [9].

В идее спасения проявляется тотальность русского сознания: если что-то делать, то делать во вселенском масштабе. Формулы «Москва – третий Рим» и «Святая Русь» предполагали духовно-нравственное совершенствование, стремление к божественной справедливости и разумности, единение человечества на началах добра и любви, т.е. соборности. Однако воплощение этого смысла чрезвычайно трудно, поскольку есть невероятный зазор между идеалом и реальностью и требуются огромные жертвы, усилия и духовное напряжение в противостоянии злу. Может быть, поэтому великие подвиги и великие трагедии русского народа не являются редкостью. Объявление его богоизбранным символизировало «ориентацию на очистительное страдание в духовном противоборстве Добра и Зла, на драматические испытания в духовно-нравственном постижении Божественного человеколюбия и, тем самым, на инициирование всечеловеческого спасительного единения в Любви. Таков имманентный смысл русской идеи» [10].

В целом следует отметить, что идеи мессианства так или иначе сопровождали всю историю развития России и русского народа. Идеи об особом пути страны, ее духовной и исторической роли в мире поднимались во многих литературных и философских произведениях, в частности, в работах Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова.

Со времени реформаторской деятельности Петра I религиозные варианты идеи «Москва – третий Рим» и «Святая Русь» заменяются политическими смыслами в рамках конструкта «Великая Россия». Это было связано со стремлением связать абсолютную монархию не с религиозным началом, а с социальным устройством. Другими словами, это уже был иной вариант мессианства, проникнутый идеей империализма и необходимостью обустройства огромной страны.

По мнению некоторых исследователей, новая версия мессианства обнаруживается также в марксизме, стремительно проникшем в российское общество и культуру XIX в. Идея мессианства в русском варианте марксизма (большевизме) проявляется «в уверенности, что Россия, где пролетариат первым разрушит капитализм и империализм, послужит образцом для трудящихся других стран» [11, с. 116]. При этом прослеживается огромное влияние русского мессианства на данную идеологию, ее русификация, о чем высказывался, в частности, Н.А. Бердяев [12]. На роль мессии выдвигается пролетариат, страдающий и ущемленный в правах, поэтому он искупит грехи всего человечества, построив коммунистическое общество – символический прообраз Божьего Царства на земле. Победа в Великой Отечественной войне породила новый всплеск мессианских чувств, вызванных осознанием победы и восприятием России спасительницей мира от фашизма.

В настоящее время вновь становятся популярными идеи об особом пути России, ее исторической роли и миссии в общемировом пространстве. Зачастую они проникнуты мотивами противопоставления России и Запада; актуализируются идеи спасения мирового сообщества, в данном случае – от агрессии США; идеи поиска правды, подлинного смысла, ощущения себя духовным центром мира.

Таким образом, одной из архетипичных черт русского народа является логоцентризм как стремление к сущностному, подлинному, сакральному. Внутреннее чувство подлинного смысла обусловило стремление к чистой совести, высшей правде как норме поведения, отыскание правды через добро при решении различных жизненных проблем. С логоцентризмом тесно связаны идеологемы спасения, соборности и мессианства, пронизывающие всю историю развития России и русского народа. Сначала это были формулы «Москва – третий Рим» и «Святая Русь», предполагающие идеи богоизбранности русского народа как носителя православной веры, стремление к соборности, единению человечества на началах добра и любви. Затем эти концепты сменяются идеей «Великой России», связанной с построением империи и укреплением самодержавия. Новая версия мессианства обнаруживается в марксизме, где на роль мессии выдвигается пролетариат. На современном этапе вновь становятся популярными идеи об особом пути развития России, ее исторической роли и миссии.

Ссылки:

1. Комков А.А. Духовные проявления в культуре дохристианской Руси [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии: электронное научное издание. 2010. № 1 (16). URL: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/257-article_18-8.html (дата обращения: 09.02.2020).
2. Лебедев Л. Крещение Руси [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/kreshhenie-rusi/ (дата обращения: 10.02.2020).
3. Бобылёва Е.Ю. Проблема соотношения феномена правды в языческой культуре древних славян и русской христианской культуре [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии: электронное научное издание. 2007. № 2 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sootnosheniya-fenomena-pravdy-v-yazycheskoy-kulture-drevnih-slavyan-i-russkoy-hristianskoy-kulture> (дата обращения: 09.02.2020).
4. Там же.
5. Цит. по: Умное делание. О молитве Иисусовой / сост. игумен Валаамского монастыря Харитон. М., 2015. 384 с.
6. Пенская Т.М. Феномен российского авторитаризма (к вопросу о его происхождении) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 7 (102). Вып. 18. С. 237–243.
7. Там же. С. 240–241.
8. Рожков В.П. Русская идея: образ и смыслы // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, № 4. С. 35–39.
9. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т. 1. Ростов н/Д, 1999. 542 с.
10. Рожков В.П. Указ. соч. С. 37.
11. Дыркова Л.А. Концепция русского мессианства в зарубежной славистике (Питер Дункан) // Евразийство и мир. 2013. № 1. С. 113–120.
12. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. 224 с.

Редактор, переводчик: Арсентьева Ирина Ильинична